

В книге В.С. Баевского подытожен тридцатилетний опыт работы смоленского стиховеда в области точных методов исследования поэтического языка. Книга, кроме введения и заключения, содержит 15 глав, в большинстве своем уже опубликованных в виде статей, написанных В.С. Баевским самостоятельно или в соавторстве. В качестве методологического ориентира для исследования поэтических текстов автор избирает математические методы, прежде всего "математическую статистику, теорию вероятностей, логику и компьютерное моделирование" (из аннотации). Основной предмет книги – структура поэтического текста, взятая как изнутри ее самой, так и в контексте других произведений того же автора, произведений его современников, предшественников или последователей. Изучаются почти исключительно поэтические произведения русской литературы – от пушкинской поры до 60-х годов XX века. Вот выборочный перечень тем книги: мифообразовые истоки волшебной сказки; структура пословиц определенного класса; единая теория поэтической фонетики; стихотворный ритм; строение ямбических и хореических текстов с точки зрения выделенности слогов; структура онегинской строфы; жанровая система русской поэзии XVIII – начала XIX века; эволюция тем русской поэзии; периодизация творческого пути поэта; синтаксис поэтического

текста; и др. Наверное для того, чтобы подчеркнуть широту охвата материала и разнообразие проблематики, художник воспроизвел на первой полосе обложки книги (помимо фотографии В.С. Баевского на последней полосе) рисунок из дневника Леонардо да Винчи (точнее, его зеркальное отражение).

Разбор книги я начну с попытки осмысления ее названия. Слово *модель* принадлежит к числу научно-технических терминов с весьма широким содержанием; этот термин полисемичен. В области гуманитарного знания он может пониматься весьма широко: (а) как система правил, моделирующих, т.е. воспроизводящих, определенные операции носителя языка (например, переводящих с одного языка на другой); (б) как некая схема или таблица, отражающая строение некоторого феномена языка или стиха; (в) как определенный научный конструкт или научное построение, ориентированное на описание такого феномена; (г) просто как некий алгоритм или компьютерная программа для выполнения каких-либо расчетов, установления классификаций объектов или отношений между объектами и т.п. – и, может быть, в каких-то других смыслах. Существенно то, что когда в филологии говорят о модели некоторого явления, подразумевают нацеленность на достаточно строгое его описание, на применение методов, родственных

методам точных наук, на формально корректные и ясно сформулированные утверждения.

Как представляется, вынося слово *модель* в название своей книги, В.С. Баевский предполагал опору на полисемию указанного термина. К сожалению, нигде в книге он не разъяснил, как следует понимать *модель* в общем плане и в случае конкретных исследований, представленных в главах книги. По ее прочтении у рецензента сложилось впечатление, что автор понимает *модель* весьма неопределенно – в значениях (б), (в) или (г). Следует сказать, что "семиотических моделей" (в смысле – "семиотических конструктов или построений") мне в книге найти не удалось. Глава 14, в которой крайне поверхностно и на одном-единственном примере рассматриваются вопросы представления информации в электронной форме, вообще не имеет отношения ни к одному из типов моделей, поименованных в заглавии книги¹.

Обратимся к конкретной методологически весьма важной цитате из аннотации (на с. 11–12 введения она повторена с преобразованием страдательного залога в первое лицо): "Строится языковая модель литературного явления; она подвергается математической обработке; для облегчения и ускорения работы используется компьютерная программа; после чего результат анализа переносится на литературное явление, которое изначально является предметом изучения". Что же такое "языковая модель литературного явления"? В каждом конкретном случае в это понятие можно вкладывать разное содержание. Допустим, мы имеем дело с поэтическим произведением; тогда я предполагаю, что его языковой моделью В.С. Баевский может называть, в частности, просто описание методики всевозможных подсчетов, относящихся к разным аспектам строения произведения: к профилю ударности его строк; к употреблению ритмических форм и их модуляций в строках произведения²; к выделенности слогов в строках; к соотношениям между определенными фрагментами строф. По Баевскому, описание типов межстрочных переносов (*enjambements*) в произведении, по-видимому, тоже можно назвать "языковой моделью" произведения.

¹ В этой главе для обозначения информационной системы по Б.Л. Пастернаку применяется неудачная аббревиатура ПИСК (поисковая информационная система компьютерная – с. 16, 252, 253 и др.).

² Модуляция строки складывается из размера, ритмической формы, схемы словоразделов и типа клаузулы (другой термин – вариация).

То же относится к процедуре вычисления частот фонем в поэтическом тексте. Имеем ли мы дело с таким "литературным явлением", как некоторая особым образом выделенная совокупность произведений поэта или поэтов, относящаяся к определенному историческому периоду, – тогда набору признаков, выделяемых для описания строения соответствующих текстов, В.С. Баевский тоже готов присвоить название "языковой модели" данного литературного явления. Если автор выделяет совокупность пословиц, имеющих определенный тип синтаксической структуры (пословицы типа *С кем поведешься, от того и наберешься*, для структуры которых рецензент может предложить следующую схему: "группа, содержащая вопросительно-относительное местоимение + личный глагол + запятая + группа, содержащая местоимение, соотносительное с первым местоимением + частица *и* + личный глагол, как правило, антонимичный или квазиантонимичный первому глаголу"), тогда соответствующий тип структуры – вместе с алгоритмом порождения аналогичных "пословицеобразных" текстов и соответствующей компьютерной программой – он тоже подводит под "языковую модель" данного типа пословиц. Вероятностной моделью силлаботоники автор именует таблицу, в которой каждому из пяти наиболее популярных силлабо-тонических размеров присвоена в процентах "мера соответствия структуры каждого размера ритмическому словарю русского языка" (с. 134). Обращаю внимание на то, что в конкретных исследованиях, отраженных в главах книги, автор не делает особого упора на их "модельный" характер – он присваивает своим исследованиям статус "языковых моделей" преимущественно в аннотации и во введении. Мне представляется, что сделано это напрасно – в силу полной неопределенности и неясности соответствующего понятия, я бы сказал, выхолащивания из него серьезного содержания в научной филологической литературе последнего времени. Если же ученый существенно опирается на понятие "языковая модель" и присваивает соответствующий статус своим результатам, тогда на него ложится обязанность прояснения его смысла в соответствующем контексте, чего в книге В.С. Баевского мы не видим.

Не видим мы в книге и другого – точности, ясности, строгости и последовательности в изложении методики и результатов исследований. В самом деле, книга, в которой прокламируется необходимость точных методов в филологических исследованиях, которая претендует на достижения, полученные с помощью самой точной из точных наук – мате-

матики, по самой сути таких заявлений и претензий должна отличаться от "традиционных" филологических работ большей строгостью и точностью изложения, последовательностью и логикой. В работе В.С. Баевского этого нет; напротив, в ней мы то и дело встречаем нестрогие введенные понятия; существенные для понимания сути дела термины, извлеченные из работ предшественников и никак не разъясняемые автором³; неясно сформулированные признаки стихотворного текста; противоречия между фрагментами изложения, отделенными близким печатным расстоянием (в пределах главы); неразъясненные обозначения; формулы, не встраивающиеся в контекст; иногда неправильно проведенные подсчеты и т.п. Подчас возникает впечатление, что для автора математика представляет собой самоцель, что ему очень хочется прибегнуть к высокоумному математическому понятию не ради прояснения сути дела или получения новой информации об исследуемом явлении, а просто ради самого принципа использования математического аппарата. При этом зачастую отсутствуют необходимые пояснения относительно используемых понятий. А ведь даже в нефилологических книгах вполне обычна практика коротких введений в математическую сторону дела: сжато излагается элементарный аппарат теории множеств, теории групп, математической логики и т.п. В.С. Баевский, написавший ряд работ в соавторстве с математиками-программистами (часть таких работ вошла в книгу), мог бы, например, привлечь их к такому нужному делу – написанию вводной математической главы, – но он, к сожалению, этого не сделал.

В книге на изрядную высоту поставлено значение математической статистики и теории вероятностей для теории литературы. Мне хотелось бы более трезво взглянуть на перспективы применения этих математических дисциплин в филологии. Думается, их значимость для гуманитарной области В.С. Баевским преувеличена. В большом числе случаев результаты, полученные математическими методами, лишь подтверждают то, что либо непосредственно дано интуиции исследователя и читателя, либо может быть добыто более традиционными филологическими методами. Это касается и таких глобальных обобщений, как принцип вероятностных зависимостей в поэтическом тексте (с. 14, 50–51 и др.), и таких частных наблюдений, как более тесная близость поэтических систем

Мандельштама и Ахматовой, чем каждой из них и поэтической системы Пастернака (с. 15). Я полагаю, что не стоит впадать в чрезмерное преувеличение достоинств математической методики и говорить о добывании с ее помощью новых знаний в большом числе случаев, – нет, очень часто математическая статистика лишь льет воду на мельницу того, что ясно и без нее⁴. Это не означает, что все соответствующие математически фундированные исследования проведены зря: подтверждение данных, полученных одним способом, посредством другой методики – весьма почетное занятие. Тем более что бывают отдельные случаи, когда математика не только подтверждает уже известное в филологии, но и высвечивает какие-то новые грани в исследуемом явлении (это случается иногда и на страницах книги В.С. Баевского).

Роль и значимость математических дисциплин в литературоведении можно рассмотреть на фоне истории отечественной математической лингвистики, а именно – на фоне некогда весьма популярных (особенно в 1970-е годы) опытов определения лингвистических понятий с помощью весьма изощренного математического аппарата (теории множеств, теории групп, других алгебраических субдисциплин, логики и т.п.). Нередко для определения грамматических понятий, скажем, падежа и рода предлагалась сложнейшая математическая конструкция, которая приводила к результатам, вполне согласующимся с уже практикуемыми представлениями об этих понятиях, и не добавляла ничего ценного ни в теоретическом, ни в практическом аспекте. Для определенного периода истории науки подобного рода опыты сыграли свою положительную роль и оставили след (подобно, скажем, дескриптивной лингвистике или теории Л. Ельмслева); однако после осознания их ограниченности в металингвистической проблематике стало превалировать обращение к более скромным, простым математическим

⁴ Позволю себе напомнить поучительный опыт Ю.М. и М.Ю. Лотманов [Лотман Ю., Лотман М. 1986], с помощью мощного статистического аппарата обосновавших фальсификацию десятой главы "Евгения Онегина" и тем самым подтвердивших непосредственное ощущение подавляющего большинства исследователей и читателей: низкое поэтическое качество и анахронизмы фальсификации не оставляли сомнений в том, что Пушкин к созданию этого текста непричастен. Возникал естественный вопрос: стоило ли затрачивать столь непомерные усилия для подтверждения очевидного?

³ А в большом числе случаев разъяснение могло бы занять всего лишь несколько строк или быть вынесено в короткое примечание.

инструментам⁵. Подобно тому как в лингвистике не следует придавать чрезмерно высокую значимость как самой металингвистической проблематике, так и применению в ней изолированного математического аппарата, равным образом в области изучения поэтического языка следует со сдержанностью и осторожностью подходить к использованию разного рода математических инструментов, не превращая их в самоцель исследования⁶.

Обращаюсь теперь к выборочному разбору конкретных глав книги.

Относительно опыта изучения структуры пословиц (глава 2) В.С. Баевский во введении заявляет, что его работа по моделированию структуры пословиц, опубликованная в 1970 г., явилась одним из первых в СССР опытов применения компьютеров не только в литературоведении, но и вообще в гуманитарной области (с. 11)⁷. Спешу разувверить автора в его приоритете по крайней мере относительно широкой гуманитарной области: поскольку лингвистика к ней принадлежит, а с начала 60-х годов в нескольких научных центрах СССР проводились компьютерные эксперименты в области автоматической обработки текстов и автоматизации лингвистических исследований – в московском Институте языкознания, в Математическом институте им. В.А. Стеклова, в Институте прикладной математики АН СССР, в Тбилиском университете (о чем свидетельствует библиографический справочник [Мельчук, Равич 1967]), указанная работа Баевского, выполненная в конце этого десятилетия, никак не входит в круг пионерских в этой области. Рассматриваются пословицы с единой четкой синтаксической структурой. Результат, полученный в этой главе с помощью компьютера и состоящий в порождении новых "пословицеобразных" фраз (например,

⁵ Ср. металингвистические опыты И.А. Мельчука, который в своем "Курсе общей морфологии" со сдержанной скромностью и трезвостью предупреждает читателя об ограниченности своих результатов, в частности о том, что новых языковых фактов ждать от курса не следует [Мельчук 1997: 18].

⁶ Впрочем, с точки зрения математика-профессионала, математический аппарат книги В.С. Баевского "элементарен" (как охарактеризовал его акад. А.Н. Колмогоров, чей отзыв о докторской диссертации автора процитирован дважды – на с. 12 и на 4-й полосе обложки).

⁷ В начале главы 2 (с. 30) говорится более осторожно: В.С. Баевскому неизвестны более ранние компьютерно фундированные работы по поэтике.

"Как (Где/Сколько) барствуют, так (там / столько > и холопствуют" – в угловых скобках указаны возможные альтернативы, при этом глагол можно варьировать по лицу и числу), по своей тривиальности характерен для всей книги: по моему разумению, он ничего не прибавляет к "пониманию структуры пословиц изучаемого класса" (с. 40), которую рецензент указал выше. Алгоритм, приводимый на с. 36, поражает своей неуместностью, старомодностью и тривиальностью; например, вместо указания, что из глаголов списка А изымаются единицы, совпадающие с какой-либо единицей из списка В, читателю предлагается явно избыточное алгоритмическое пошаговое описание этой процедуры.

Глава 4 (с. 52 и сл.) – о поэтической фонике – содержит ряд интересных наблюдений. Однако по поводу общей основы – опоры автора на инвентарь фонем, а не на инвентарь звуков – я хотел бы выразить свое недоумение, относящееся, впрочем, к многим исследованиям стихотворной фоники. Мне непонятно, почему в качестве исходной единицы берется фонема, а не звук, используется фонематическая, а не фонетическая транскрипция. Фонология нужна для описания языка, для построения моделей языка (как систем автоматического преобразования лингвистической информации). Когда же речь идет о ЗВУЧАНИИ стиха, обращение к инвентарю фонем – научных конструкторов, в большей мере отстоящих от звуковой материи стиха, чем аллофоны, – представляется неоправданным. Далее, неясно, почему в этой главе автор трактует парные твердые и мягкие согласные то как одну единицу, то как разные – и при этом не приводит никаких комментариев в соответствующих случаях.

По поводу глав 5–8, посвященных проблемам стихотворного ритма, замечу, что в них весь репертуар словораздельно-ритмических модуляций стихотворных строк рассматривается без учета феномена сверхсхемных ударений, и поэтому, например, ни в одну из 76 модуляций 4-стопного ямба, выделяемых в книге (с. 76), не укладываются, скажем, такие хрестоматийные строки, как *Швед, русский колет, рубит, режет. / Бой барабанный, клики, скрежет*. Если автор ограничил материал в целях упрощения (которое в известных случаях бывает правомерно при исследовании сложных систем), то непонятно отсутствие релевантных оговорок по этому поводу.

Много вопросов вызывает глава 9 – начинающая с ее названия: "Деструктивно-конструктивный анализ онегинской строфы". Строфы первой главы "Евгения Онегина" подвергаются членению: разъединяются первые 12 строк, называемые "телами" строф, и последние

две – их "хвосты" (с. 174–175)⁸. Между совокупностью тел и совокупностью хвостов устанавливается отношение (в математическом смысле) в соответствии с определенными правилами. Примеры таких правил (названные "условиями отбора"), приведенные в таблице на с. 179, выглядят так⁹: "первое слово первой строки хвоста совпадает с первым словом какой-либо строки тела"; "последнее слово длиною в 5 букв и более в хвосте совпадает с каким-либо словом тела"; "в хвосте и в теле есть восклицательный знак"; "в хвосте и в теле есть слово *ж*, *же*, или слова *там*, *чего* или *пока*, или варваризмы, или слова с античной тематикой, или прилагательные в краткой форме" – и другие странности. Изложение в главе не дает возможности уразуметь работу алгоритма, устанавливающего на основе подобного рода правил отношения между "телами" и "хвостами". Далее хвосты прилаживаются к не своим "парным" телам, т.е. не к тем, с которыми они соединены волей автора романа в стихах, и В.С. Баевский образует "новые" онегинские строфы, приводя в качестве примера (с. 182) соединение тела XLVIII строфы – с хвостом II, дающее в концовке этой строфы – "И нас пленили вдалеке / Рожок и песня удаляя... / Но слаще, средь ночных забав, / Напев Торкватовых октав!" – вместо последнего двуступища такое: "Там некогда гулял и я: / Но вреден север для меня". Обращение Баевского к математическому аппарату теории групп поражает беспомощностью и совершенным отсутствием заботы о читателе. Автор путается в математических понятиях и терминологии; например, на с. 176 он говорит о бинарных множествах хвостов и тел (тогда как данные множества никоим образом не "бинарные": каждое из них не состоит из пар – из пар состоит их декартово произведение или его подмножества); на той же странице и далее он обрушивает на читателя тяжелые снаряды таких математических понятий, как "соответствие Галуа", "булеан"¹⁰, "замкнутое подмно-

жество" без каких бы то ни было пояснений, порождая, например, на с. 176 такое словосочетание – "каждый из булеанов множества хвостов и множества тел" – вместо более корректного и прозрачного "оба булеана..." или просто "булеаны..."; на с. 180 встречаем "совокупность булеанов множества хвостов и совокупность булеанов множества тел", что осмысленно не более, чем словосочетания типа "совокупность голов данной коровы" (булеан-то у множества может быть ровно один, как голова у коровы).

В главе 13 автор настаивает на необходимости проводить периодизацию творчества писателя только по одному основанию и в качестве такового принимает анализ "эволюции, развития его творчества" (с. 226), проводимый на основе 10 индексов, характеризующих стихотворный строй. Мне хотелось бы возразить: не имея ничего против использования такого рода формальных критериев для периодизации, я не вижу резонных отказываться от других оснований и получения, таким образом, своего рода "скользящей периодизации". Поэтому требования автора типа – "Делить творческий путь Пастернака следует только по одному основанию" (с. 245) – мне представляются ригористичными.

Вызывает у меня несогласие трактовка феномена синтаксического переноса (СП) в главе 15 (с. 268 и сл.)¹¹. Необходимым условием синтаксического переноса из одной строки в следующую В.С. Баевский, вслед за рядом его предшественников, считает наличие синтаксической паузы в одной из этих смежных строк (с. 263, 269). Мне совершенно непонятно, чем вызвано подобное ограничение. Полагаю, что для вычленения понятия "синтаксический перенос" существенно обращать внимание на силу синтаксических связей между словоформами соседних строк. Напомню неоднократно цитированный пример К.Ф. Тарановского – "Запели хором молодые

⁸ От тел в одном из экспериментов должны также отрезаться "головы" – первые катрены строф (с. 178).

⁹ Далее я переформулирую и привожу к более компактному виду некоторые соотношения между "телами" и "хвостами", крайне нечетко заданные в упомянутой таблице, насколько мне удалось их уяснить.

¹⁰ Соответствие Галуа предполагает, кроме двух частично упорядоченных множеств, в качестве каковых в обсуждаемой главе можно взять множество хвостов и множество тел, еще и наличие двух отображений между ними [МЭ 1977: 849], каковые В.С. Баевским не

заданы и не пояснены, так что и математически ориентированному читателю разобратся в сути дела не представляется возможным. Булеаном множества называется множество всех его подмножеств – почему было бы не сделать хотя бы такое краткое пояснение? Вообще в книге много терминов, далеких от филологии; например, на с. 269 "меру отклонения от строго рационального синтаксиса" предлагается измерять в "стронгах" – ни в одном из словарей и энциклопедических справочников найти данный термин мне не удалось.

¹¹ При этом я приветствую отказ В.С. Баевского от терминологического варваризма "анжамб(е)ман".

/ Черницы в черных клобуках" — с сильной синтаксической связью между словоформами на стыке строк и отсутствием пауз внутри последних [Матяш 1996: 190]; неужели здесь на основании отсутствия пауз не следует усматривать синтаксического переноса? В поэтической речи вполне нормальны случаи сильного синтаксического сцепления смежных строк без внутренних пауз, это одно из проявлений общего феномена — несовпадения синтаксического и метрического членения в стихе, и почему же нужно такому сцеплению отказывать в статусе синтаксического переноса? — Другое недоумение возникает в связи с предложением автора "перенести в русскую филологию французскую классификацию СП" (с. 270): в отечественном стиховедении это давно было сделано — см. классический труд [Шенгели 1960: 33 и сл.], только с другой терминологией: СП именуются там "перебросами", а "реже", "контрреже" и "реже-контрреже" Баевского — "сбросами", "набросами" и "двойными бросками" соответственно (и тоже приводятся французские термины); см. также словарь [Квятковский 1966: 206], где в статье ПЕРЕНОС без терминологических обозначений приведены ровно те случаи, которые выделяет В.С. Баевский.

В большинстве случаев, когда в книге вводится какая-нибудь классификация или устанавливаются характеристики признаков-индексов стиха или его единиц, отсутствуют обоснования, разъяснения, примеры, относящиеся к вводимым характеристикам, что, конечно, никак не способствует доверию читателя к результатам, полученным на их основе. Например, вводится (с. 153–154) значения меры выделенности m для слогов стиха (пять чисел между 1 и 3); различаются 12 типов слогов, среди которых есть, например, такой: "1-й предударный, 2-й начальный неперекрываемый, 1-й и 2-й заударный, конечный открытый на сильной и на слабой слоговой позиции" ($m = 2.0$). Примеров на каждый из указанных подтипов слогов в составе стихотворных строк не приводится, не дается никаких обоснований объединения этих подтипов под одной мерой выделенности¹²; приходится с трудом осмысливать прилагательные "начальный" и "конечный" — ориентировать ли соответствующий слог относительно строки или фонетического слова? Несколько раз в книге предлагаются наборы числен-

ных признаков-индексов для характеристики структуры поэтического текста (с. 42, 186, 232, 239), и каждый раз возникают недоумения: содержание индексов формулируется кратко и не всегда внятно, отсутствует в ряде случаев обоснование введения индексов, не всегда ясен способ их вычисления — ср. такие примеры индексов: разнообразие метрики, виды строф, типы строфической организации, тематическая насыщенность рифмы (с. 43)¹³; интонационное единство стиха (с. 232). Непонятно, почему периодизация творчества Гумилева и Пастернака проводится по разным наборам индексов (с. 232, 239) — впрочем, на с. 241 говорится о том, что выбор инвентаря индексов "не имеет решающего значения"; почему это так, читателю остается гадать.

Книга Баевского изобилует разного рода ляпсусами: некорректными, небрежными или не вполне точными формулировками, частными противоречиями, неловкими и громоздкими построениями. Так, в главе о пословицах обнаруживаются противоречия между списком из пяти примеров пословиц избранного класса (с. 31) и последующими формулировками: ср. *Кого люблю, того казню* vs. ограничение класса глаголов в ед. числе только 2-м и 3-м лицами (с. 34); *С кем поведешься, от того и наберешься* vs. отсутствие относительного (определятельного) придаточного в составе типов придаточных предложений, допустимых в изучаемых пословицах (с. 34); *Что посеешь, то и пожнешь* vs. равноклаузульность глаголов (с. 35). В изложении "алгоритма порождения пословицы" мы встречаем такое проверочное условие: глаголы должны "обозначать переходность" (с. 38) — вместо просто "быть переходными". В хлебниковском "Бобзоби" усматривается анаграммирование фонем ⟨э⟩ и ⟨о⟩¹⁴ (с. 57) — при отсутствии в этом стихотворении "ключевого слова", которое ранее было объявлено определяющим при анаграммировании (с. 55). Единственная строка таблицы 2 на с. 110 содержит ошибку (сумма чисел в ее клетках должна равняться единице, а она превосходит ее), которая, правда, исправляется в первой строке

¹³ На с. 43 дается такое пояснение: "В пределах каждого индекса число фиксируемых единиц относится к общему числу единиц" — однако неясно, как вычисляется это последнее, а в отношении некоторых индексов неясны сами фиксируемые единицы.

¹⁴ Почему-то фонемы у Баевского окружаются угловыми скобками — в противоречие наиболее распространенной лингвистической практике, в соответствии с которой угловые скобки (...) закреплены за морфемами, квадратные [...] — за звуками (фонами), а косые черты /.../ — за фонемами.

¹² Вызывает сомнение объединение под одной мерой выделенности 1-го предударного и двух заударных слогов: предударный сильнее заударных; именно поэтому лингвистическое обоснование такого объединения было бы весьма уместно в данном случае.

в таблице 5 на с. 118, содержательно тождественной исходной. Перечень ритмических типов слова в таблице 3 на с. 111 не содержит "анапестического" типа *положил*. При подсчете вероятности первого стиха "Онегина" (вычисляемой "по теореме умножения вероятностей", как обычно, без какого-либо разъяснения ее сути — с. 113) делается ссылка на таблицу 3, но берутся из нее не те числовые значения, при этом со взятыми значениями в вычислениях допущена ошибка (0.00093 — вместо 0.00013) — с. 114. На странице 114, помимо упомянутой ошибки в вычислениях, есть еще два ляпсуса: неверно подсчитано ожидаемое количество строк с модуляцией, представленной в указанном стихе (49 — вместо 48.03), а в предпоследней формуле на данной странице перепутаны местами числитель и знаменатель. На с. 132 при объяснении, как подсчитывается число модуляций 3-стопного дактиля, почему-то из трех его форм учитываются только I и II и игнорируется III, но и с учетом этой последней у меня число модуляций получилось не 36, а 30. "Университетская поэма" Набокова объявляется одним из случаев использования онегинской строфы в русской поэзии — вместе с "Тамбовской казначейшей" Лермонтова и "Младенчеством" Вяч. Иванова (с. 173), — тогда как поэма Набокова, в отличие от двух других упомянутых поэм, написана "обратной" онегинской строфой. В главе 11 один и тот же словарь, обозначаемый через "19В", характеризуется сначала как "обобщенный словарь поэзии первой трети XIX в." (с. 193), а через 10 страниц — как "обобщенный словарь первой половины XIX в." (с. 204). Связи между частотными словарями Рылеева и Фета на с. 205, среди прочих, приписана "сильная корреляция" — по таблице же на предшествующей странице эта связь равна 35, а в других случаях сильными считаются связи, превышающие 40. В таблице 12 на с. 215 в первом столбце дважды повторяется массив из шести строк (с разными значениями клеток в одноименных строках), но нигде не разъясняется суть этих повторений. Следует сказать, что небрежность в подаче таблиц и отсутствие необходимых пояснений в этой книге лишают читателя возможности всерьез разобраться в полученных результатах (если можно вообще говорить о результатах в большом числе случаев). Формулы у Баевского зачастую появляются неожиданно и неподготовленно — автору достаточно назвать формулу "известной", поименовать область, откуда она взята, и обрушить ее на читателя (с. 219) — без указания нужных источников и страниц, как в случае, например, словосочетания "критерий знаков" (с. 221). Весьма трудно уяснить,

скажем, формулу на с. 45, призванную вычислять некую корреляцию между парой индексов и сопровождаемую совершенно не постигаемой расшифровкой параметра d — "разность порядковых номеров по обоим индексам" (вроде бы получается, что здесь должны быть две разности?). На с. 47 в формуле (4), похоже, вместо первого минуса должен стоять знак равенства.

В книге отсутствуют некоторые релевантные ссылки. На страницах, посвященных эволюции ритма стиха Ломоносова (с. 119 и сл.), не учтены результаты М.И. Шапира и нет ссылок на его работы [Шапир 1996; 1999] (вошедшие в монографию [Шапир 2000]). Анализируя игру ритмических форм по методике А. Белого (с. 148 и сл.), В.С. Баевский проходит мимо работы [Беглов 1996] о монотонии ритмических форм в стихе. И вообще — не могу не высказать сожаления, что первоклассные стиховедческие работы, появившиеся в последние несколько лет в журнале "Philologica", остались вне поля внимания исследователя.

Было бы странно, если бы в 336-страничной книге маститого стиховеда не было никаких достойных внимания мест и частных удач, и было бы несправедливо их не отметить. Привлекают его соображения в связи с теорией анаграмм (с. 57–62), в частности, методологическая основа исследования анаграмм в поэтическом тексте: условием наличия анаграммы признается "статистически значимое преобладание частот фонем ключевого слова над их частотами в речи" (с. 65)¹⁵. Интересен анализ эволюции анаграмматических построений в лирике и переводах Блока (с. 67–91), в особенности — разбор черновиков перевода "Пролога" Гейне (с. 85 и сл.). Выводы о частотной структуре поэтической фоники (с. 95 и сл.) представляются весьма любопытными — в частности, то обстоятельство, что в поэтическом тексте частые и редкие фонемы (т.е. соответственно преобладающие и уступающие по частоте по сравнению с их частотой в речи) немногочисленны, причем первые имеют тенденцию несколько превосходить вторые по количеству и удельному весу (с. 98). Свежо анализируются случаи ономотопии в поэтическом тексте, среди которых особенно выделяются разборы строк Пастернака, имитирующих крик грачей, и первой строфы пушкинского "Эха" (с. 102–103). Из других разборов конкретных строк хотелось бы отметить также зоркие наблюдения

¹⁵ В разделах об анаграммах, к сожалению, недостаточно четко разъяснены или вообще не разъяснены некоторые понятия: параграммы, ноа-денотаты (с. 58), метаграммы (с. 75).

над "причудливыми рисунками слогового ритма" в стихотворениях Д. Самойлова "Соловьиная улица" и Л. Мартынова "Отмечали вы, схоласты..." (с. 163); вообще, несмотря на не вполне ясные и недостаточно обоснованные критерии установления выделенности слогов, ряд данных по средней выделенности слогов в стихотворениях разных поэтов XX века (с. 164 и сл.) небезынтересен. Представляются весьма любопытным обнаруженный автором феномен "синтаксического развертывания" – грубо говоря, последовательного увеличения протяженности относительно автономных синтаксических отрезков в смежных строках (с. 272 и сл.); так, в строках из "Онегина" (в которых последовательные фрагменты пронумерованы) – "(1) Она ушла. (2) Стоит Евгений, / (3) Как будто громом поражен. / (4) В какую бурю ощущений / Теперь он сердцем погружен!" – первые два фрагмента занимают каждый по полстроки, второй – строку, третий – две строки. Этот феномен превосходно иллюстрируется на примере сопоставления некоторых сцен из "Фауста" Гете с переводом Пастернака (с. 278 и сл.). В книге встречаются вполне убедительные и верные утверждения, среди которых, впрочем, много неоригинальных – например, трактовка стихотворной речи как равнодействующей многообразных факторов – ритма, фоники, метрики и т.д. (с. 143) – или неоднократно фигурирующий на страницах книги общий вывод о вероятностном (а не детерминистическом) принципе действия, лежащем в основе функционирования художественных структур (автор называет обнаруживаемые в них связи "паутинообразными").

По моему разумению, книга представляет собой неудачу, усугубляемую претензиями автора на изрядные достижения в области изучения поэтического языка. Эта неудача отчасти скрашивается отдельными правильными замечаниями и немногочисленными частными результатами.

- Беглов А.Л. 1996 – Иосиф Бродский: монотония поэтической речи // *Philologica*. Т. 3. 1996. № 5/7.
- Квятковский А.[П.] 1966 – Поэтический словарь. М., 1966.
- Лотман Ю.М., Лотман Мих.Ю. 1986 – Вокруг десятой главы "Евгения Онегина" // Пушкин. Исследования и материалы. Том XII. М., 1986.
- Матяш С.А. 1996 – Стихотворный перенос: к проблеме взаимодействия ритма и синтаксиса // Русский стих: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика: К 60-летию М.Л. Гаспарова. М., 1996.
- Мельчук И.А. 1997 – Курс общей морфологии. Том I / Пер. с фр. М.; Вена, 1997.
- Мельчук И.А., Равич Р.Д. 1967 – Автоматический перевод. 1949–1963. Критико-библиографический справочник. М., 1967.
- МЭ 1977 – Математическая энциклопедия. Т. 1. М., 1977.
- Шанир М.И. 1996 – У истоков русского четырехстопного ямба: генезис и эволюция ритма: (К социолингвистической характеристике стиха раннего Ломоносова) // *Philologica*. Т. 3. 1996. № 5/7.
- Шанир М.И. 1999 – Ритм и синтаксис ломоносовской оды: (К вопросу об исторической грамматике русского стиха) // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 1999.
- Шанир М.И. 2000 – *Universum versus*: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. М., 2000.
- Шенгели [Г.] А. 1960 – Техника стиха. М., 1960.

Н В Перцов